

Константин СОБОЛЕВ

---

*Старик,
зачем ты на нее смотришь?*

Предисловие

С ОТКРЫТЫМ МИРУ СЕРДЦЕМ

*С каждой избою и тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь.*

Николай Рубцов

Рассказы и «крупинки», представляющие собой зарисовки и размышления, Константина Соболева составляют две по текстовому объему равнозначные части его книги. Чувствуется не случайность, а настойчивость и постоянство мирозерцания прозаика, который не день и не два, а скорее всего десятилетия вглядывается в мир Подлеморья, вслушивается в звуки своего сердца и души, поселившихся в легендарной Баргузинской долине. Автору удастся передать переливы родной природы и своей души, воплотив их в слово.

Константин Соболев видит окружающий мир полноценно, многокрасочно («розовые на апрельском солнце чайки», «за рекой желтая полоска берега, болото, зеленое широкое, упирающееся вдали в сиреневое крыло леса» и др.) и многозапахно («Срезанная ветка, очищенная от коры, бела, как снег, и пахнет по-весеннему сыро и едко»).

Произведения Константина Соболева в хорошем смысле этого слова природоцентричны: природа, её первозданная чистота и всеобъемленность первичны, а человек и его жизнь – это лишь «миг между прошлым и будущим».

И по содержательному складу, и по жанровой природе «крупинки» К. Соболева ближе всего к известным «Затесям» В. П. Астафьева.

Как воздух после грозы и ливня наполняется озоном, так и проза Константина Соболева разряжена, слова дышат, они, как правило, звонкие, отражают радость и печаль бытия, они не наталкиваются друг на друга, а сохраняют между собой жизнедарящий кислород таланта автора.

Фактически во всех рассказах и «крупинках» отсутствует сюжет в традиционном его понимании – как череда каких-либо событий. Конечно, он в каждом тексте в то же время есть, но это, как правило, сюжет мысли, передающий то или иное умозаключение или душевное состояние автора.

Сквозь строчки проступает лик «человека с сияющим от восторга сердцем» (К. Соболев), который радуется Байкалу, тайге, любой пташке. Это человек благодарный, то есть такой, каким и должен быть каждый живущий.

Многие «крупинки» написаны скорее не прозаиком, а поэтом, воспринимающим жизнь как Божью благодать, великая радость

постижения которой и является человеческим уделом. Замечательны по своей многокрасочности и полноте переживания такие «крупинки», как «Синева», «Счастье», «Первый снег», «Скворцы», «Отобедал», «Девочка». Это своего рода стихотворения в прозе.

Вместе с этим восторженный взгляд К. Соболева не сужает масштабы мировидения. Так, например, не выпадает из зоны внимания автора спивающееся население глубиной России. Воспринимает он земляков с жалостью, то есть вполне православно.

Автору этих заметок о творчестве усть-баргузинского литератора посчастливилось бывать в тех местах, которые и есть его малая родина. Прочитав рассказы и «крупинки» Константина Соболева, я испытал еще раз радость от созерцания забайкальской природы, которой дышит каждое слово Константина Соболева.

**Доктор филологических наук,
профессор кафедры литературы
Хакасского государственного
университета имени Н.Ф. Катанова
Валерий Прищепа**

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Творчество известного сибирского поэта и прозаика Константина Соболева, как первая звезда на ночном небе, которая всегда неожиданна и всегда завораживает. Избрав жанр короткого рассказа о том, что окружает, сам автор окрестил его как «крупинки». Будучи литератором, воспитанным на русской классической поэзии, он продолжает «генеральную линию» классики. Но делает это по-своему. Его рассказы, как у В. Шукшина, В. Астафьева, В. Распутина, о простых людях с их повседневными заботами («Мой друг Санька»), которых ты видишь каждый день и которые основа всего. Его природа, как у М. Пришвина, К. Паустовского («Серебряная россыпь», «Ондатра», «Утиная охота», «На рябчиков», «Лебяжье озеро») прекрасна и неповторима.

Короткие рассказы К. Соболева – это проблемы современного села, отношения между людьми, попавшими в непонятные условия города, память о тех, кому ты обязан, кого помнишь и любишь. Фактически, всё творчество К. Соболева есть история повседневности, к которой пришла современная историческая наука и которая, на самом деле, и есть наша жизнь с её бедностью и спивающейся деревней («Гриша», «Будешь?», «Страшно»). А значит – это всё о вечности.

Константин Соболев, охотник и рыбак, – певец «малой Родины» («День счастья», «Сад»). Его «крупинки» – это, по существу, стихотворения в прозе («Цветение», «Воскресну», «Снегири и Котя», «Все мы собачки», «Спасибо!», «1-е сентября»). Его Баргузин, Шанталык, поселок Усть-Баргузин видишь воочию. Всё его творчество пронизано любовью к детям, старикам, «братьям нашим меньшим», верой в прекрасное.

Именно поэтому книга «Старик, зачем ты на нее смотришь?» интересна любому слою населения вне зависимости от уровня образования и положения на социальной лестнице. Она заставляет читателя сопереживать, смеяться и плакать, вспоминать и мечтать, делая человека человеком.

**Доктор исторических наук, профессор,
главный научный сотрудник Института
монголоведения, буддологии и
тибетологии Сибирского отделения
Российской академии наук Леонид Курас**

ДЕНЬ СЧАСТЬЯ

Санька встал рано, в пять. На запотевшие окна налипла темнота.

Оделся, вымылся, поставил на плитку чайник и сковородку. Пока чайник уютно гудел, Санька отрезал от колбасы два толстых кружка, обвалял в муке и положил в горячее масло. Нарезал кружочками луковицу, засыпал колбасу, посолил, поперчил. Заварил чай, поставил сковородку на подставку и начал завтракать.

За окном чуть посветлело. Стёкла похожи на зебру. За ними темнеют листья ранеток и краснеющие плоды.

Санька ел сочную колбасу, макал в масло кусочки хлеба, запивая сладким чаем, и смотрел, как на ветке, в стекле, отражается лампочка-груша с широким золотым семечком в середине.

«Надо на магзены...Там утка, наверняка, есть».

И в памяти сразу всплыло широкое, словно распахнутое, болото, лесок с желтеющими березками, горящими в зелени сосен особенно ярко, сиреневые вдали горы, пухлые тучки, степенно играющие в догоняшки. А рядом желтоватая, глинистая вода проток.

Санька, напрягая память, всмотрелся пристальнее и увидел мальков, похожих на россыпь булавок, а в траве сучковатую шею цапли, дальше – серые остовы стволов, словно охотников, стоящих на перелете, услышал режущий шум трав, тугое гудение сосен и чей-то сочный хруст в камышах... и очнулся. Это на зубах лопался поджаренный кусок колбасы.

Пора! Рюкзак с торчащим в чехле ружьем собран ещё с вечера.

«Ничего не забыл? Ружье, патроны, нож, ключ от гаража, блокнот, ручка, сигареты, зажигалка...» – закинул за спину рюкзак и вышел.

В холодной матовости неба переливается мокрым золотом Венера. Глухо лают собаки, хрипло кричат петухи. Тёмный песок дороги весь в птичьих письменах. Но что написано – не разобрать. Да и некогда.

Гараж с лодкой был недалеко – тридцать минут ходьбы. Но от нетерпения этот путь всегда казался Саньке долгим, и, чтобы обмануть себя, он стал смотреть по сторонам.

Вот темная фигурка парня, жаждущего опохмелиться, сгорбленно спешит в круглосточный магазин. Как быстро опускается человек!

Санька вспомнил знакомых и малознакомых людей, задохнувшихся в пьяном угаре.

Вот А., тугой, как шар. Его центнеровая туша, казалось, могла бы жить вечно. Но за четыре

года водка высосала из него богатырскую силу, хорошо оплачиваемую работу, дружную семью. Он, сменив несколько мест и, опускаясь всё ниже и ниже, превратился в бомжа. Однажды, на мгновенье увидев, кем он стал, повесился.

Вот Р., спившийся, погибший под машиной. Месяц забытый всеми пролежал в морге, пока не опознала бывшая жена.

М., когда-то элегантный, талантливый, мастеровой. Жизнь распахивалась перед ним, как молоденькая бабенка, жаждущая любви и заботы. И как быстро он всё промотал! Пьянки сожгли его тело, превратили в труху душу, не оставив никакой надежды на будущее.

Увидев его незадолго до его смерти, Санька испугался: брёл старик с темно-неподвижным лицом, весь в себе, вернее, давно потерявший себя. Казалось, невидимый ветер времени нес не тело, а скукоженную шкурку, ненужную никому. Он умер, выпив суррогатного спирта.

Вот К., дряхлый птенчик с трясущейся головкой. Его руки ходят ходуном, словно ловя самих себя. Он ничего не помнит, не может ответить на детский вопрос. И каждому, пусть неосознанно, хочется бежать от него подальше.

Вот С., допившийся до того, что начал ловить чертей. Однажды, зайдя в дом, с гордостью сказал: «Я сейчас в огороде чертей напинал!» Затем зажёл спичку и, пристально оглядев близких, задумчиво произнес: «Так вот вы какие, черти!»

Он допил до того, что потерял речь. Язык, похожий на пожарную кишку, издавал жалкое «бу-бу-бу». С. давно на кладбище.

«Сейчас его могилку, – подумал Санька, – засыпали бурые листья берез. Пусто. Тихо. Только орет ворона да стучит на сухой лесине дятел».

Нескончаемая вереница сынов человеческих, умерших ещё при жизни, проходила перед Санькой так зримо, что ему хотелось оглянуться.

И сами собой стали всплывать в памяти стихи:

Сгибается душа России
Под гнетом болей, бед, обид.
И в небесах по-русски синих
Лик Бога явственней скорбит.
И что нас ждёт, никто не знает.
Лишь золотой телец в цене.
И двери ада, а не рая,
Открыты спившейся стране.

***

«Мама и папа, не пейте!» –
Крик на слезинке-листе.
Осени медной копейки
Тихо звенят на кусте.
Что же случилось с Россией?
С нами? Когда? Почему?
Дети – все дети красивы! –
Сами уходят во тьму.

И ни просвета, ни ласки.
Чёрная пьяная тьма.
Звёздочки – детские глазки –
Сверху глядят на дома.
В доме поминки. И кто-то,
Словно спускаясь на дно,
Вышел с трудом за ворота
И, изрыгнувши блевоту,
Смотрит на дом. В нём темно.

***

Всё меньше русского духа
На Родине милой моей.
Пустая деревня, старуха,
И мёртвая тишь без детей.
И вижу я русские дали
И лес, что синее вдали.
Над ними, как символ печали,
Рыдают навзрыд журавли.
О, Русь моя, милая мама,
Я, слёзы стирая с лица,
Шепчу: « Неужели бараном
Нам всем дожидаться конца?!
Неужто не хватит нам силы
И веры извечной в груди?»
Но предков великих могилы,
Как славного вехи пути,
Зовут: поднимайся, Россия,
Будь сильной и духом крепка!
И вижу: за облаком, в сини,
Нас Господа крестит рука.

Санька очнулся и увидел огромные от молчания и холода тополя. Руки мерзли, изо рта шел пар.

Хозяйственный мужичок гонит коров. На дороге, дышащей сырой горечью, еще теплые лепехи.

Вспомнился городской подъезд и наваленная на площадке чья-то выворачивающая душу куча, пахнувшая удушливо и сладковатотрупно.

Чтобы отогнать воспоминания, Санька стал смотреть в набухающую синеву, на звезды, похожие на осколки разноцветного стекла.

А вот и пилорама леспромхоза. Дышит запахом чуть горчащих опилок и корья. Запах, знакомый с детства, когда леспромхоз был в силе и, кроме свежераспиленного леса, пах соляркой.

Вот и болото, рыже-огнистое, как шкура лисицы.

Санька ускорил шаг. Ему шлось необыкновенно легко. Он казался себе высоким, былинным богатырем.

В синеве золотился рожок луны. С реки одеялом сползал туман. Лес на том берегу выступал оторванными от земли островками, нереальными, словно во сне.

На бугре три вороны черными старушками переругиваются на гортанном языке. С утра что-то не поделили.

Содержание

Предисловие.....	3
С открытым миру сердцем.....	3
Художественная история повседневности	6
Рассказы	8
День счастья	8
Сад	24
Мой друг Санька	29
Серебряная россыпь	39
Ондатра	42
Утиная охота	46
На озере	60
На рябчиков.....	65
Шанталык в октябре	71
Лебяжье озеро	74
В сентябре	76
Снег	78
Зачем так быстро?	81
Когда-то.....	85
Что знаем?.....	88
Где-то там за окном	90
Смех.....	91
«Да ну его!».....	95
Зимним вечером.....	98
Санька и взметнувшийся до неба.....	100
На весенней охоте.....	102
Вдруг вспомнилось	104
Куркули!.....	113
Гриша.....	114
Зачем?.....	116
Будешь?	117
Там же люди	118
Свет.....	120
Крупинки.....	122